

330 Years of the Russian Navy. A Conversation with the Commander-in-Chief, July 2026

This document contains translations of a Russian-language sources. The content reflects the views of the original author(s) or journal(s) and is provided for informational and research purposes only. It does not imply endorsement by the translator(s), the Russia Maritime Studies Institute, the U.S. Naval War College, the Department of the Navy, the Department of War, or the U.S. Government.

Editorial elements added by RMSI—including footnotes, annotations, and translator’s comments—are intended solely to assist the reader and do not modify the substance of the original text. The views expressed in these editorial additions are those of the translator(s) and editor(s) and do not necessarily reflect the official policy or position of the U.S. Naval War College, the Department of the Navy, the Department of War, or the U.S. Government.
Approved for public release; distribution is unlimited.

**RUSSIA MARITIME STUDIES INSTITUTE
CENTER FOR NAVAL WARFARE STUDIES
U.S. NAVAL WAR COLLEGE**

686 CUSHING ROAD (3C)
NEWPORT, RHODE ISLAND 02841

330 Years of the Russian Navy. A Conversation with the Commander-in-Chief, July 2026

Author: Aleksey Egorov, TV Zvezda (Russian Ministry of Defense TV), *Voennaya Priyomka* (Military Acceptance), <https://www.youtube.com/watch?v=CudjXkOfBGQ> <accessed August 11, 2026>.

Translated and annotated by Richard A. Moss and Anna B. Davis.

Description [from TV Zvezda]: In this new episode—the first major interview with Admiral of the Fleet Alexander Moiseyev, Commander-in-Chief of the Navy, since he took office in 2024. The main subject of this episode is the future of the Russian Navy. We'll discuss fifth-generation submarines, Russia's first unmanned ship with a displacement of 500 metric tons, and the return to service of the giant cruiser *Admiral Nakhimov*. We'll learn what the next-generation ocean-going ships will look like, why the role of unmanned systems at sea is changing, how unmanned speed boats are evolving into full-fledged ships, and what missions they will carry out. In addition, we'll discuss the re-armament of Naval Infantry [Marines], the development of naval education, and why today's navy is much more than just ships and submarines. All of this is featured in a special episode dedicated to the 330th anniversary of the Russian Navy.

[Introductory scene with clip excerpts]

Egorov (Interviewer): This is TV Zvezda. “Military Acceptance.” Today’s program airs on Navy Day, marking the 330th anniversary of the Russian Navy. And please note: today we’ll be speaking with the Commander-in-Chief of the Navy.

Moiseyev: Hello, and welcome. This is TV Zvezda, and this is the program *Voennaya Priyomka* [Military Acceptance].¹ I’m pleased to meet you here at the administrative building of the Navy’s Main Command.

Egorov: For Commander-in-Chief of the Navy and Admiral of the Fleet Alexander Moiseyev, this is his first major interview with journalists since taking office in [April] 2024. We are grateful to the Commander-in-Chief for this interview and for making it as candid as time allows. So today, you’ll learn what tasks the Navy is tackling during the Special Military Operation.

...What is the Navy’s top priority...

How it is dealing with attacks by unmanned surface and underwater vehicles in the Black Sea.

Moiseyev: We’ve learned to detect them and track them systematically.

Egorov: What will fifth-generation submarines be like?

¹ English-dubbed versions of the program call it “Combat Approved.”

Moiseyev: Undoubtedly, they will be nuclear-powered.

Egorov: And what's being done regarding unmanned systems in the Navy?

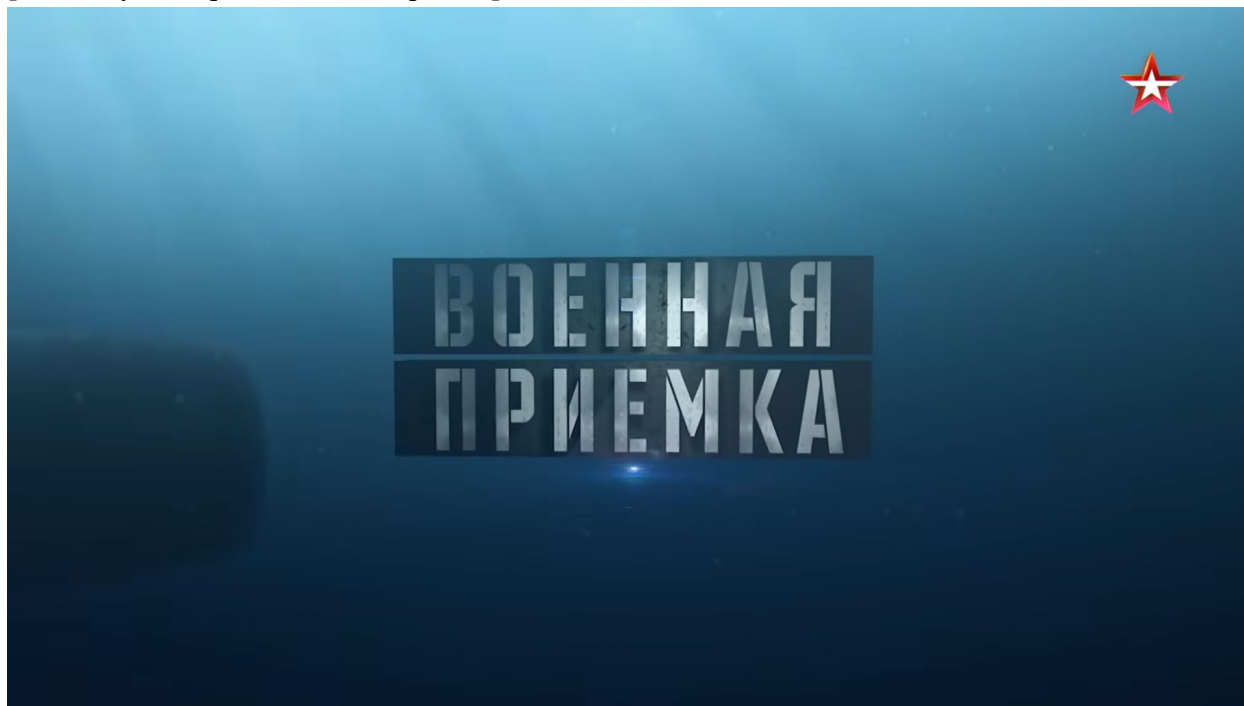
Moiseyev: Regiments of unmanned systems already exist.

Egorov: Of course, we won't overlook the hypersonic *Tsirkon* or the unmanned underwater vehicle with a nuclear power plant, the *Poseidon*. And for the first time in our program, there's an announcement about the construction of the largest naval unmanned vehicle in the country's history.

Moiseyev: A ship is a pretty big deal.

Egorov: So, exclusively for the Navy Day, a special edition of "Military Acceptance" directly from the Navy General Staff HQ at the Admiralty. Let's go.

["Military Acceptance" title sequence]

Egorov: Downtown St. Petersburg, Palace Square, the Hermitage—a place where probably every tourist visiting the northern capital ends up. For the Commander-in-Chiefs of the Navy, both the Hermitage and this historic square, where all of our country's leaders have stood, are visible from the window of his office.

Moiseyev: Exactly. This is where the fleet was born. This is where our glorious, heroic city of St. Petersburg was built.

Egorov: And this is your office, isn't it?

Moiseyev: Please, come... this is our office. Please, come in.

Egorov: That's exactly what it says: Commander-in-Chief of the Navy.

Moiseyev: Yes, fate has bestowed this honor upon me. Please come in.

Egorov: How old are these walls?

Moiseyev: 1811. That's the official date of the Admiralty's construction. Historically, this building has always housed the naval ministry throughout the entire history of the Russian Navy, up to and including the period of Tsarist Russia.

Egorov: Under Soviet rule, the Naval General Staff moved to Moscow. It wasn't until 2011 that it returned to its original Admiralty building—one might say, returned home.

Moiseyev: Well, this specific place is my workplace—the office of the Commander-in-Chief of the Russian Navy.

Egorov: At the workplace, there are phones, government communication lines, and monitors. We won't be showing those for now. Let's take a look at the painting hanging above the Commander-in-Chief's desk. It's Aivazovsky's "The Battle of Vyborg." The date immediately catches the eye—a significant one for our country: June 22, although the year is 1790. And most importantly, let's read the caption. "The Swedes lost seven ships of the line (battleships), three frigates, and more than fifty rowing vessels. The Russians suffered no losses." You have to admit, the painting sets the right tone for the office's occupant, and it's not the only one like that here.

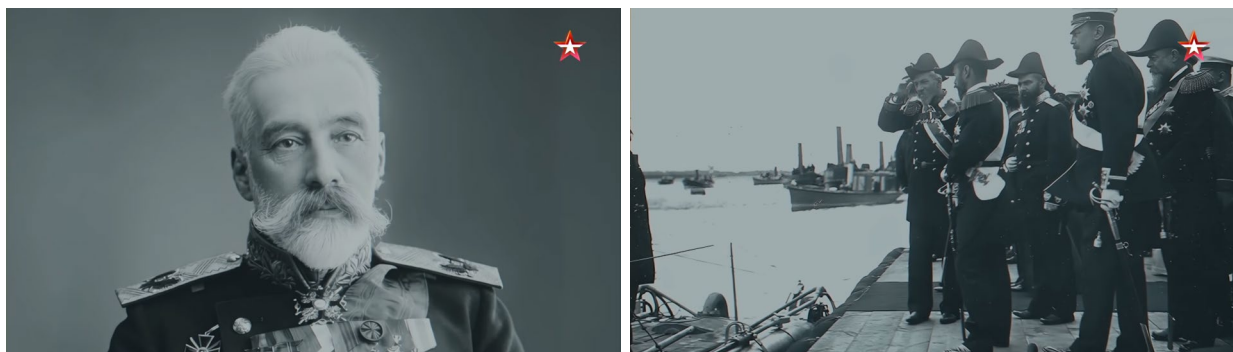
Moiseyev: And then, of course, there's the portrait of Peter the Great, who, with his rather serious gaze, is always watching over my activities—and those of my predecessors.

Egorov: Strictly speaking, Peter I isn't watching over the Commander-in-Chief alone, but together with the Supreme Commander-in-Chief and the Minister of Defense.

Moiseyev: Please come this way. Yes, there's something I'd like to highlight. Undoubtedly, this is also the office of the Commander-in-Chief of the Navy. A historic office. It was right here that the last Minister of the Navy, Admiral Grigorovich, had his office.

Egorov: Ivan Grigorovich is a landmark figure in the history of the Navy. He was the last Minister of the Navy of the Russian Empire. But there's something else that's even more important. Under his leadership, the most modern battleships, cruisers, and destroyers of the time were built. It was during Grigorovich's tenure that our first submarines were laid down. Moreover, the submarine fleet definitively became one of the key elements of the Russian Empire's naval power. A Project 11356 frigate now is named after Grigorovich—a ship that executed one of the first at-sea launches of *Kalibr* cruise missiles in 2016.

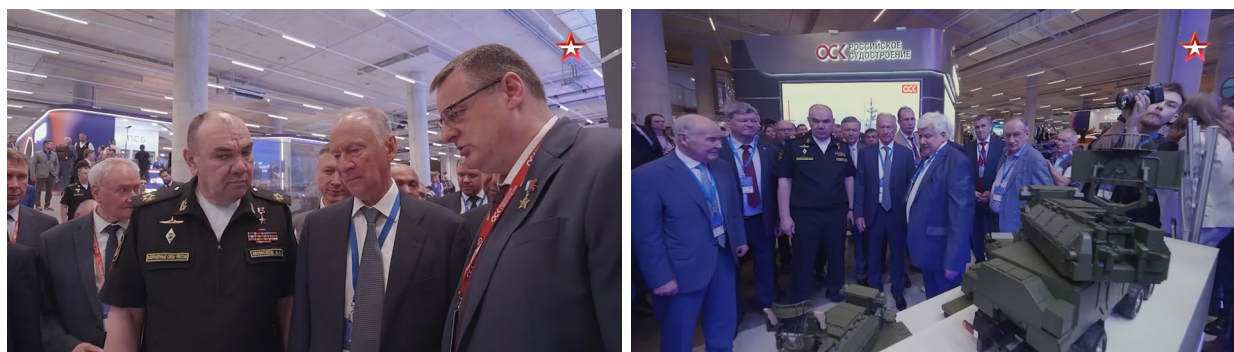
Moiseyev: Well, here's another historical fact. Right here, in the center—this is Admiralty Prospect, Building 1. And right outside our window is the Palace Square of present-day St. Petersburg. This is where the entire leadership of the State was based.

Egorov: Of the State. The Hermitage.

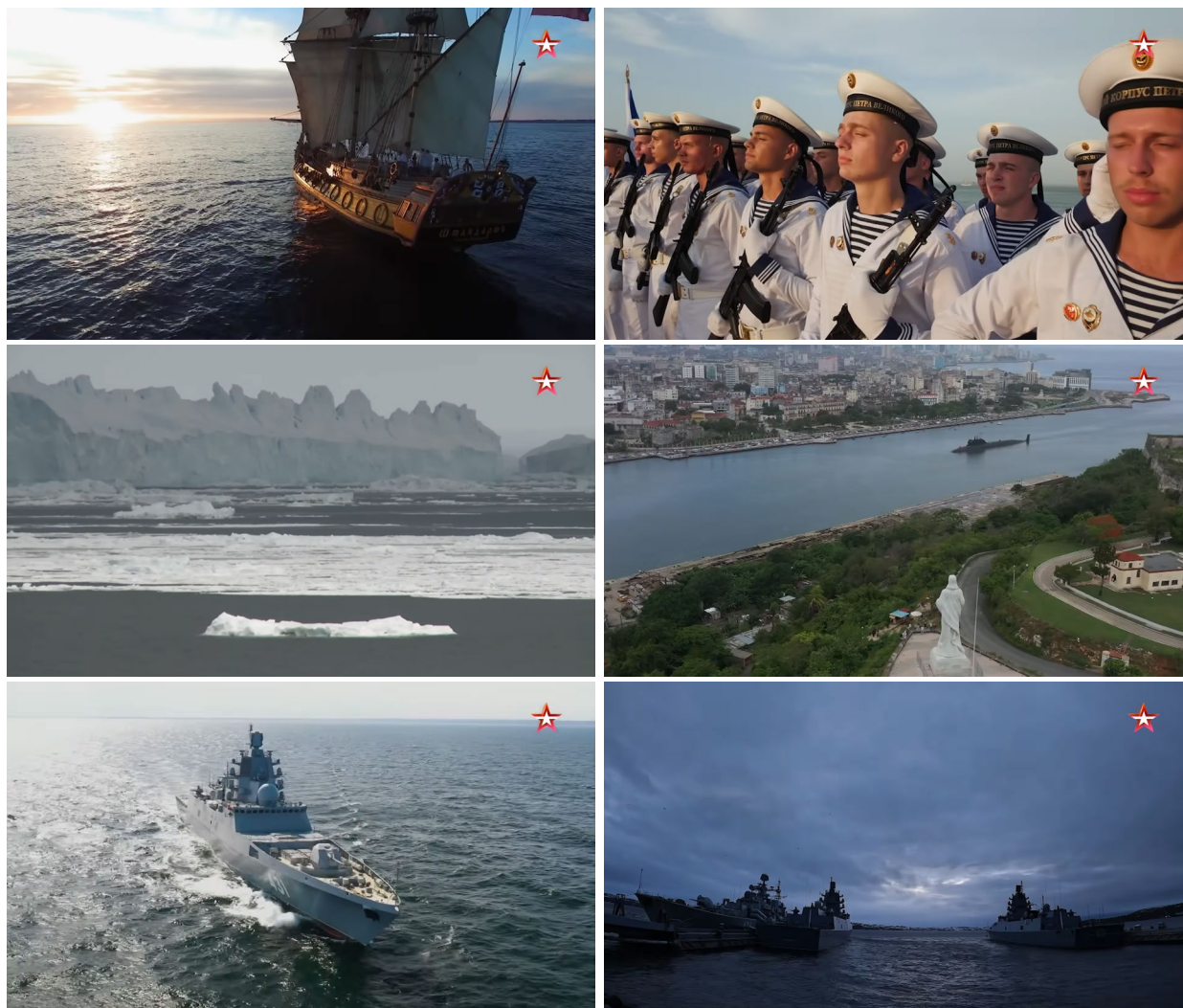
Moiseyev: The Hermitage... Where... that was the residence of our tsar, the head of state. If you look at the architecture of these buildings, there are balconies everywhere. They say that every morning, the tsar would step out onto this very balcony. All the heads of departments would step out onto their own balconies. The city governor would report on the events that occurred during the night. The tsar would give his blessings, and the workday would begin. I propose that we get to work.

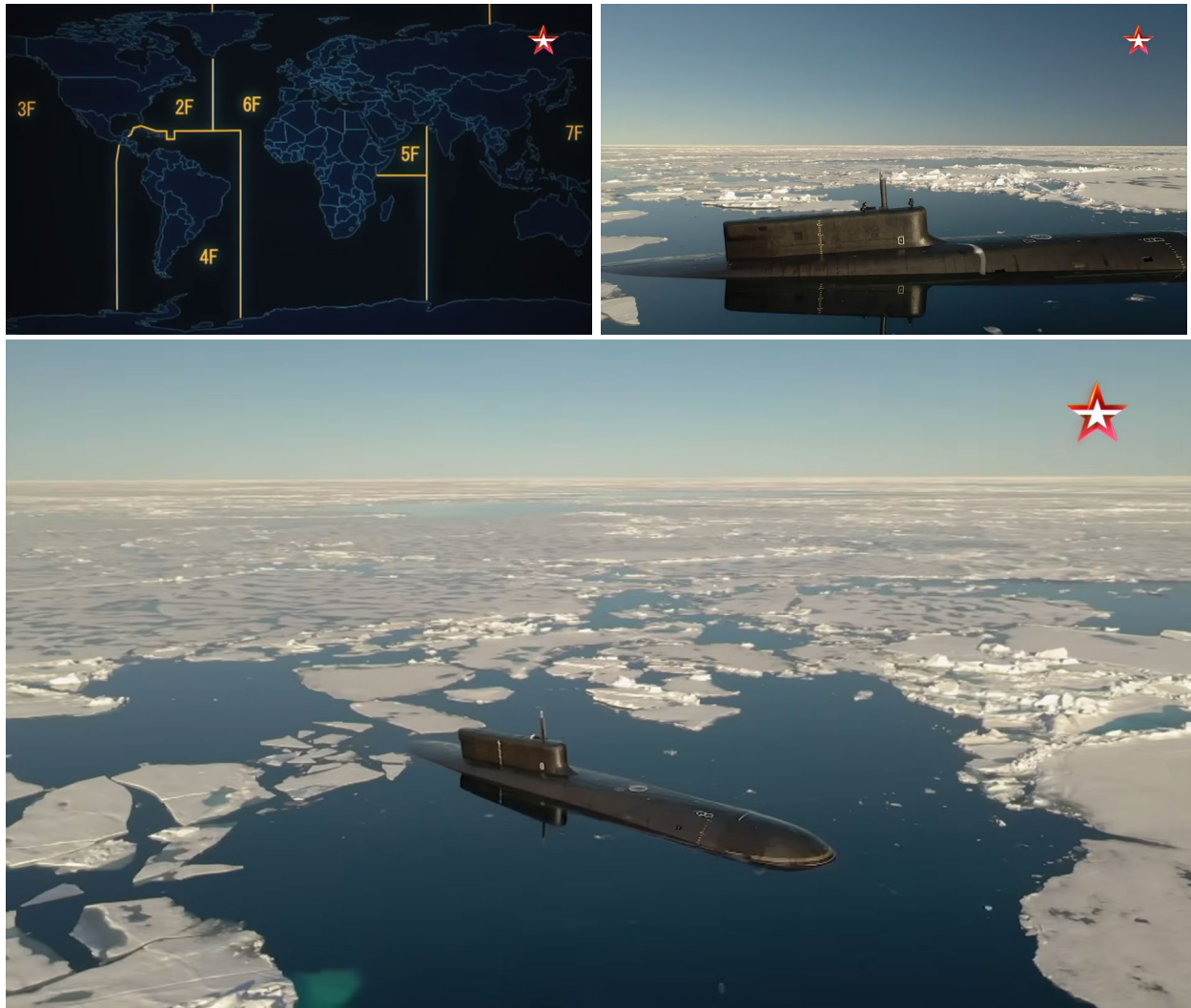
Egorov: A brief remark. The state maintains the same close attention to the Navy even today. On the Commander-in-Chief's desk is a photo with the Supreme Commander. And secondly, this was particularly noticeable this year during the Naval Salon, when the Commander-in-Chief of the Navy toured the shipbuilding companies' booths alongside Nikolai Patrushev. The very fact that the former director of the FSB—and currently, the Secretary of the Security Council is a Chair of the Naval Collegium (the Maritime Board) speaks volume, proof of the state's special attention to the Navy. How would you describe the main objective of the Navy today, in the summer of 2026? What is the top priority for the Navy?

Moiseyev: Well, undoubtedly, the most important thing happening right now for our country and our society is, of course, the major event unfolding in the south of our country. I am referring, of course, to the ongoing Special Military Operation [SVO]. As a military organization, the Navy is directly involved in these operations. This involves ensuring the safety of maritime shipping and supporting maritime economic activities in maritime zones—not only in the waters adjacent to the Black Sea, but also in other seas. Despite this, the Navy continues to carry out a full range of tasks, not only those related to ensuring military security—which is undoubtedly one of its main components—but also another, no less important aspect, which involves protecting Russia's national interests in other regions or key areas of the World Ocean. We're talking about the Atlantic and the Pacific, the Mediterranean, and, of course, the Arctic. We have been fulfilling these objectives; we are carrying them out, and we will continue to do so. These tasks are commensurate with the status of our state—Great Russia, a great maritime power—which is what we were, what we are, and what we will undoubtedly continue to be.

Egorov: Here is a map of the world showing a reality that few people are aware of. It depicts the division of the world's oceans among the various U.S. fleets. For example, in the Persian Gulf—where the Fifth Fleet is in charge and is currently heavily engaged—our country also has a similar perspective on the world's oceans. And this is no coincidence. Since the time of Peter the Great, Russia has been a great maritime power, and the evidence for this goes beyond naval battles. Suffice it to say that two centuries ago, Russian naval officers discovered the entire continent of Antarctica. But what about today? Russia is returning to the world's oceans after a hiatus during the turbulent 1990s. In the last 10 years alone, the Navy has conducted its first circumnavigation since the Soviet era, transoceanic voyages involving submarines and training ships, and expeditions to Antarctica. One of the most striking events was the *Umka-2021* exercise. For the first time in the history of the Navy, three nuclear-powered missile cruisers surfaced simultaneously, breaking through 1.5-meter-thick ice within a radius of just 300 meters.

Moiseyev: I would still like to emphasize one point. The fleet is stationed where the state needs it to be. When it comes to strategically important areas of the world's oceans or regions of the world, the fleet is not merely a tool of foreign policy. In other words, the presence in these areas—objectively speaking, the state's military power—is a very important factor in the implementation of the state's foreign policy.

Egorov: Recognizing the Navy's crucial role, in 2025 the Russian president approved a strategy for the development of the Navy through 2050. This is the first document of this scale in modern Russia.

Moiseyev: Undoubtedly, this is a foundational document for the strategic planning and development of the Navy. It takes into account the current state of both our own forces and those of our adversaries. It addresses the prospects and trends in the military-political situation, as well as the evolution of strategic environment in various theaters of operations, including ocean

regions of maritime domain. It also takes into account trends in the development of both science and technology. And this document is essential—essential for us to prepare not just for the immediate future, but for a future that is already within reach. Naval armaments and weapons are highly complex technical systems; planning for their development within the framework of a short-term state defense order—and often even the State Armament Program [GPV], which covers roughly the medium term or the coming decade—does not provide a complete understanding or complete picture of what the fleet will look like in the foreseeable future, what we are discussing now. Of course, this is very important.

Egorov: And it turns out to be easier to move forward when both the industry and the Navy understand—

Moiseyev: Yes—

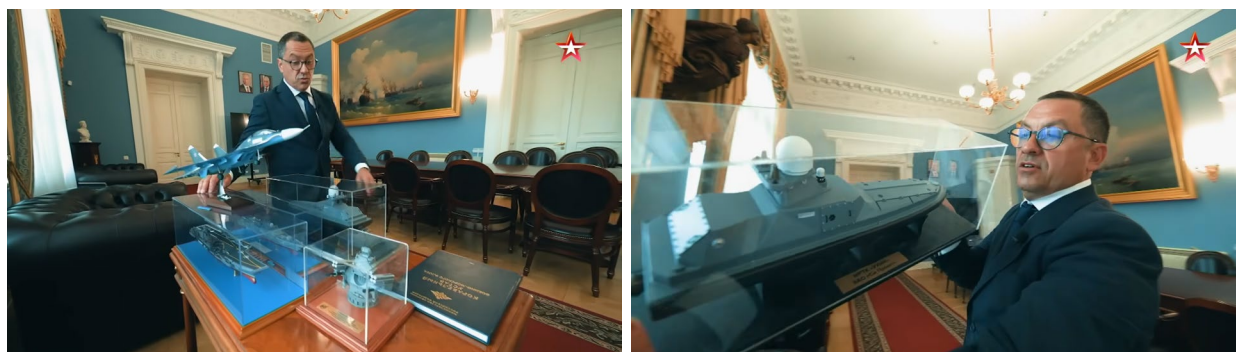
Egorov: —what tasks lie ahead of us.

Moiseyev: Exactly. It's important for us both - for the Navy, and for the development of the shipbuilding industry in general.

Egorov: As for the industry, shipbuilders in Russia have recently gained two specialized exhibitions: “Neva”—an exhibition of civilian shipbuilding—and the Naval Salon, organized by the Navy. In this anniversary year, the Naval Salon was opened by Commander-in-Chief Alexander Moiseyev, with whom we are recording this interview at his office. In addition to the paintings, we were given the opportunity to examine the scale models located in the Commander-in-Chief's office. These are two submarines. Let's just say that seeing them was to be expected. It's gratifying to see the aircraft-carrier cruiser *Admiral of the Fleet of the Soviet Union Kuznetsov* here, along with a naval system *Pantsir*, and a naval fighter jet. Next is the unmanned boat *Ulan*. Let's take a look at it.

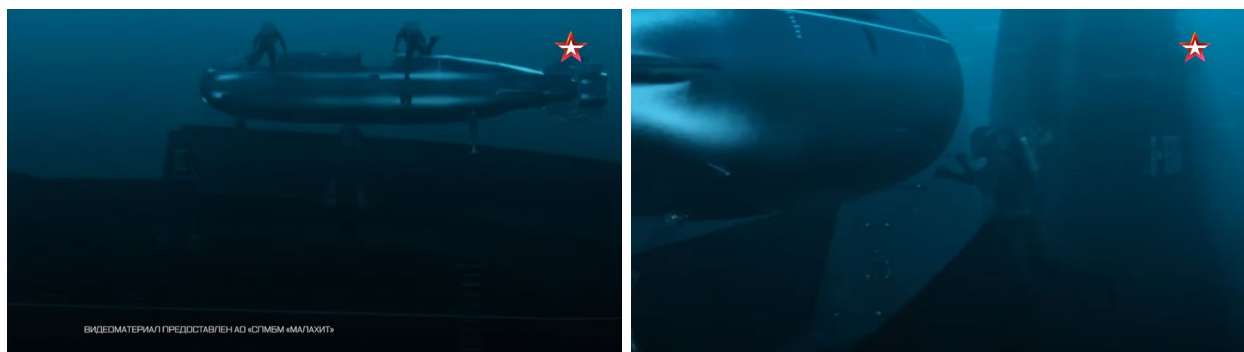
[Ed.Note: The book on the table in Moiseyev's office is Korolev, V. I., ed. *Atomnyy podvodnyy flot Rossii. Istoriya sozdaniya i razvitiya* [The Russian Nuclear Submarine Fleet. History of Its Creation and Development]. (St. Petersburg: VUNTS VMF "VMA", 2019).]

And here on the table are one airplane, two drones, and three helicopters. And I'll be frank: before filming began, there was another model here—a helicopter model that we're not allowed to show just yet. As for the photos in the office, this one is worth noting.

Here is Alexander Moiseev, a submarine commander. That is precisely why, when discussing the prospects for the development of the Russian Navy with the Commander-in-Chief, I'd like to separately discuss the subject of Russia's submarine fleet—specifically, the submarines on display at exhibitions. These are designed for combat divers, where a small submarine emerges from a larger one—and for now, these are all just models. In reality, such a submarine will be built.

Moiseyev: This is a specialized activity carried out by specific units. Well, when we talk about special forces operations, they are conducted even using existing submarines. I'd like to emphasize that this is a specialized mission.

Egorov: On existing submarines, combat divers are deployed through torpedo tubes. We showed how this happens in one of our episodes. What's more, I myself had the opportunity to go

through a torpedo tube using a special apparatus that leaves no bubbles. But at exhibitions, we've seen far more interesting things.

[Clip from United Shipbuilding Corporation]

Remember the movie “The Peculiarities of the National Hunt?”² The *Piranha*-class submarine, which was actually designed to transport combat divers. And here's a little sensation. All Ears! All attention here. Before you is the continuation of the *Piranha* project, in the bow of which...

Alexey Derizemlya [engineer at the OSK "Malakhit" Design Bureau]: This is the *Triton-2* ultra-small submarine; we're transporting it inside a large displacement submarine.

Egorov: And right here in front of us is the design for this ultra-small submarine. Let's show it to our viewers. How many people can it carry right now?

² According to IMDB: This iconic Russian comedy (1995) follows a group of city friends on a chaotic hunting trip into the wilderness. The rituals of friendship, vodka, and elaborate picnics overshadow any actual hunting. See: <https://www.imdb.com/title/tt0114055/>

Derizemlya: This submarine is capable of carrying up to six combat divers.

Egorov: Two, so to speak, at the helm?

Derizemlya: Two operators. That makes four special forces personnel.

Video clip: The submarine ensures the covert delivery of assault and sabotage-reconnaissance teams to designated areas and their return.

Egorov: This presentation shows how a small vessel emerges from the hull of a large boat and quietly makes its way toward the shore. The project is called *Serval*. And although we don't yet have a boat exactly like this, we do have very similar ones—though they were designed for other purposes and objectives.

Moiseyev: We all know, it's a public, open knowledge, whether, for example, the *Poseidon* is such a vehicle. Let me ask you this: How would you answer that?

Egorov: Well, I think it is.

Moiseyev: It is. Well, we already have such a carrier. We all know perfectly well that this program is linked to the development of this type of strategic weapon, which is what this vehicle is. And, of course, the navy already has such a vehicle in its fleet. Our country's leader has spoken publicly about this.

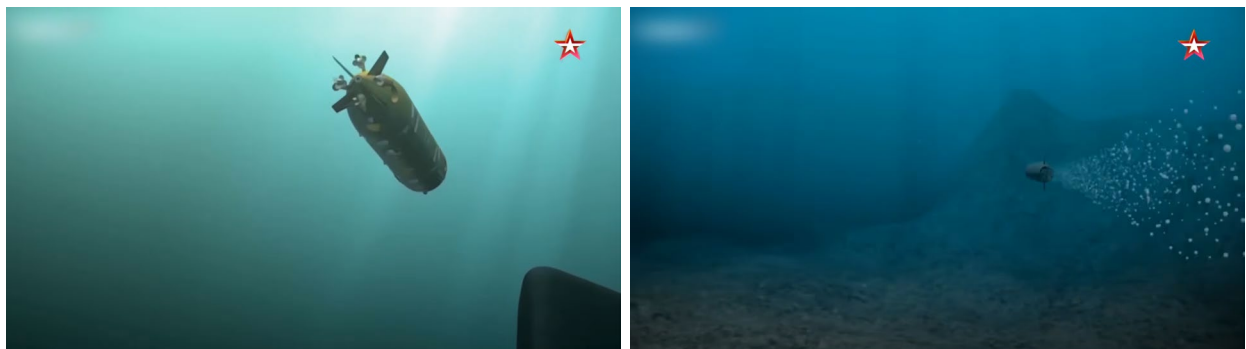
Egorov: *Poseidon* is an unmanned underwater vehicle with a nuclear power plant. It is known that it is capable of traversing interoceanic distances at speeds of up to 200 km/h and operating at depths of over one kilometer. At the same time, it's important to remember that *Poseidon* is one of the navy's most secret projects. We learn all the details about it exclusively from the president himself.

[Clip of Vladimir Putin speaking]

Putin: For the first time, we have succeeded not only in launching it from a carrier submarine using a booster engine, but also in activating the nuclear power plant, which powered the vehicle for a certain time. *Poseidon's* power significantly exceeds even that of our most advanced intercontinental ballistic missile, the *Sarmat*.

Egorov: And yet, for now, the *Poseidon* remains something of a novelty. When it comes to strategic nuclear deterrence, the main task of the Navy's High Command is to maintain the combat readiness of the fleet's submarine forces and, first and foremost, of the strategic nuclear-powered ballistic missile submarines.

Moiseyev: Here, we are essentially already implementing all the programs for the transition to the new generation of *Borey*-class submarines—the *Borey* with the *Bulava* sea-launched ballistic

missile. They will serve our country for the next 30 to 40 years. This means they are replacing the previous generation of Project 667 BDRM³ submarines.

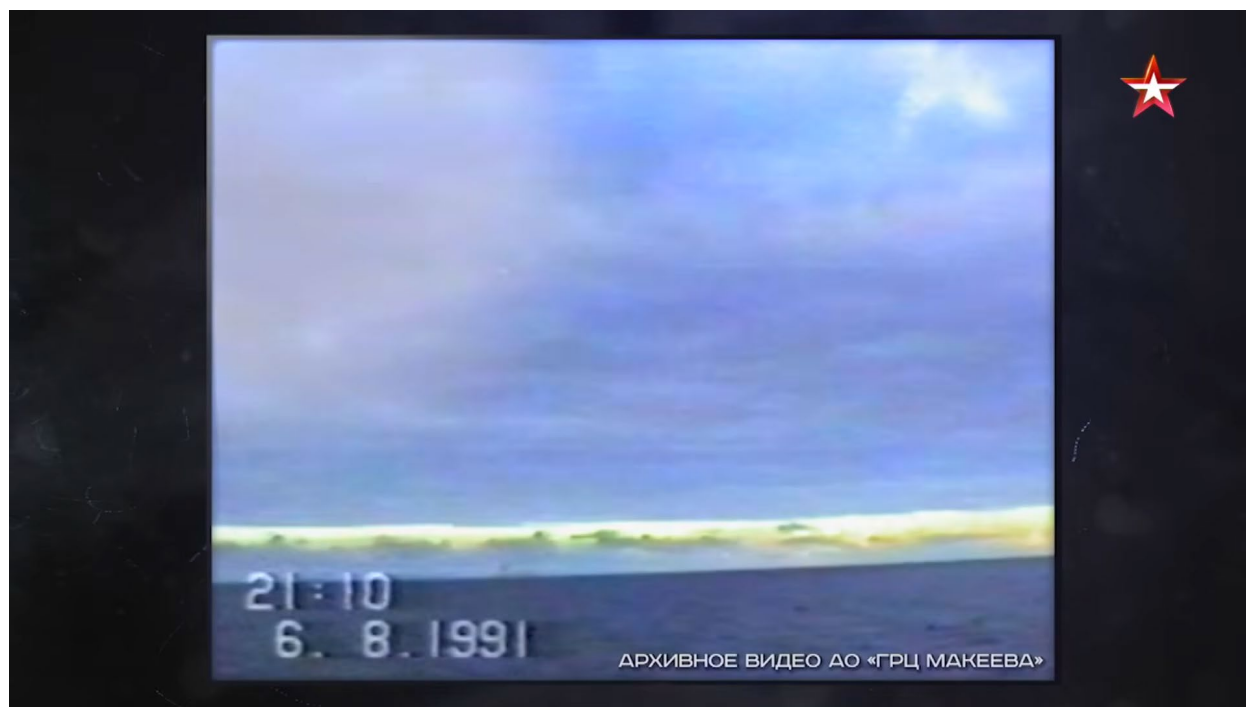
Egorov: The BDRM is a class of strategic submarines that began development back in the 1960s. First came the second-generation Project 667A *Navaga* [Yankee] submarines, followed by the 667B *Murena* [Delta I], then the BDR *Murena*-M [Modernized; Delta II], and the BDR *Kalmar* [Delta III]. And finally, the most advanced in the 667 series is the BDRM *Delfin* [Delta IV], a third-generation submarine.

In the 330th year of the Navy, we would like to recall a record set by one of the *Delfins*—the nuclear-powered submarine *Novomoskovsk*—which launched 16 ballistic missiles in quick succession in August 1991.⁴ By comparison, the U.S. record stands at just four missiles in a single launch. By the way, Alexander Moiseyev once served on this *Novomoskovsk*. And not only on that vessel, but on many other BDRs and BDRMs as well.

³ BDRM = «Bol'shaya» (B), «Dal'noboy'naya» (D) s uluchshennoy raketoy (R), M «Modernizirovannyi» variant. In English it is: “Large” (B), “Long-Range” (D), with an improved “Missile” (R), “Modernized” variant (M).

⁴ In 1998, a Typhoon-class SSBN reportedly launched its entire armament of twenty SS-N-20 Sturgeon SLBMs, surpassing the record set by *Novomoskovsk*. See: Andrey Kolobov, “Voenyy flot Rossii. Grustnyy vzglyad v budushee,” Dec. 19, 2017, *Voennoe obozrenie*, <https://topwar.ru/132156-voennyy-flot-rossii-grustnyy-vzglyad-v-budushee.html>.

Moiseyev: Well, now that you mention it, yes, it was undoubtedly a significant period of my service—and, indeed, of my life in the Russian Navy’s submarine fleet, specifically with the Northern Fleet. Well, it’s no secret that I held virtually every position, from junior engineer in the computing group all the way up to commanding the Northern Fleet’s submarine forces.

Egorov: So, we understand that the backbone of the underwater nuclear deterrent will consist of Project 955 *Borey*-class submarines—or, more precisely, the 955A *Borey*-A and AM variants—which are replacing the [Project] 667-class submarines. And this raises the following question: what about the multi-purpose submarines? Currently in service are Project 971 *Shchuka*-B [Akula II] submarines, the titanium-hulled Project 945 *Barrakuda* [Sierra I] and Project 945A *Kondor* [Sierra II] submarines, and the Project 949 *Antey* [Oscar II] aircraft-carrier killers. So now, they are all being replaced by Project 885 *Yasen*-M [Severodvinsk II] vessels. The idea is that multipurpose submarines should be multifunctional.

Moiseyev: They have become multifunctional, capable of performing virtually the entire range of tasks that were previously handled by separate ship classes. Previously, a specific platform was built for a specific system. It didn't matter what it was—a submarine or a surface ship. Now, technology allows us to do this on a single platform. The *Yasen*-class submarine is the multipurpose vessel that forms the backbone of the submarine fleet and general-purpose forces. At the same time, its armament consists of all currently available naval missile systems.

Egorov: The first new multi-purpose submarine was the *Severodvinsk*. Construction began in the 1990s, and it was completed in the 2000s. It didn't enter service until the 2010s—a very long time—but nonetheless, it became a symbol of the revival of the Russian submarine fleet after the difficult 1990s. Now, such submarines are being built much faster. And, most importantly, they're already being upgraded. The modern *Yasen*-class submarines are designated with the letter "M," indicating they've been modernized.

Moiseyev: In our development plans, we see that this particular submarine will become the backbone of the fleet. Not “will become”—it already is. It will replace all previous submarines from earlier projects. And its capabilities far exceed those of any single submarine from a previous project in every respect.

Egorov: Are there *Tsirkon* missiles on board?

Moiseyev: *Tsirkon*. They’re already on board. I’d like to point out that the submarine has a service life of about 30 years.

Egorov: A major development program also awaits the non-nuclear submarine fleet. Currently, the main lead project in this area is Project 636 [Improved Kilo]. Submarines of this class are nicknamed “black holes” for their silence and stealth. But it turns out it’s possible to make submarines even quieter and more stealthy. For example, a year ago, a submarine from the next-generation *Kronstadt*-class diesel-electric submarine project—built under Project 677 *Lada* [St. Petersburg]—was launched.

Moiseyev: The design of this submarine already incorporates new technologies, so all the equipment—whether it concerns navigation, communications, or control systems, or the submarine’s weapons and systems themselves—is based on a completely different set of components. In terms of functionality and capabilities, it far exceeds those of the previous generation. It belongs to the class of diesel-electric submarines, but we’re essentially living in the future. We’re talking, in essence, about the design of a new propulsion system.

Egorov: The *Lada*'s displacement is 70% [of a Kilo]. It's one-third smaller. It has a new hybrid engine and new sonar systems inside. All of this makes it a fourth-generation submarine. However, the Commander-in-Chief clarifies that work is already underway on fifth-generation submarines. The new strategy places special emphasis on them.

Moiseyev: We are already focused on the development of fifth-generation submarines. A multipurpose program for the development of fifth-generation submarines has been approved. This includes both strategic submarines and multipurpose submarines.

Egorov: And do you already have an idea of what these submarines will look like?

Moiseyev: From a design standpoint, everything is crystal clear. From a weapons standpoint, it's also critically important and is linked to the submarine's propulsion system. Well, they will definitely be nuclear-powered—no doubt about it. It is precisely these systems that ensure the key capability: prolonged underwater operations. That means not just for a long time, but autonomy practically for the entire range of operations. We're talking about the efficiency of these power plants, and we're talking about noise levels—that is, the submarines themselves. And, of course—

Egorov: They'll be quieter.

Moiseyev: You could say that. The design will be based on different principles, and we understand exactly what those are. And this research is currently underway.

Egorov: As for surface ships, the strategy mentioned by the Commander-in-Chief follows the same trend as in the case of submarines. The capabilities of these ships are expanding significantly.

Moiseyev: Modern ships are multipurpose vessels. They are capable of performing the full spectrum of tasks—including offensive, defensive, and anti-submarine operations. All of this is carried out on a single platform.

Egorov: So the current trend is for ships to be as versatile as possible.

Moiseyev: They already are. This is a fundamental principle of naval surface ship construction. Blue water ships are frigates, such as the *Gorshkov*-class. Ships for the coastal zone are corvettes, in terms of their deployment across all maritime spaces and other water areas. Yes, these are small missile ships.

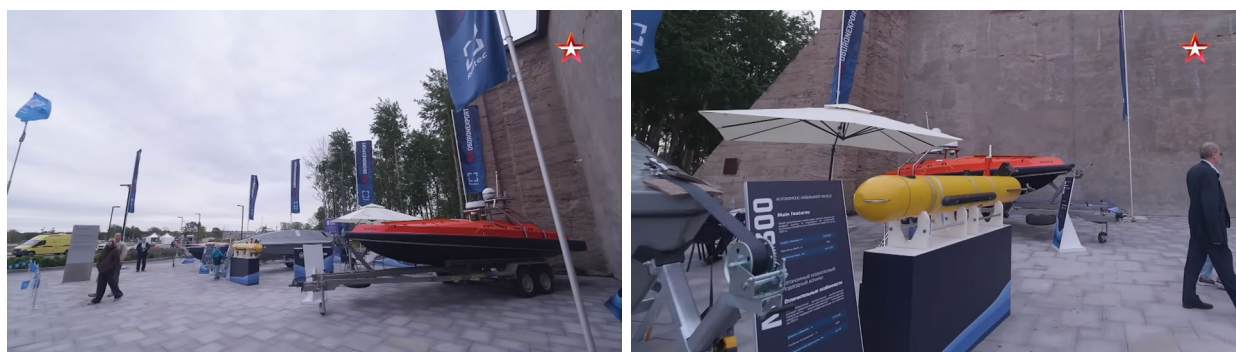
Egorov: "Military Acceptance" produced films about the *Karakurt*-class small missile ships. They are very fast and well-armed. We've discussed the Project 20380 [*Steregushchiy*-class] and 20385 [*Gremyashchiy*-class] corvettes. They are becoming the fleet's workhorses in the coastal zone. And, of course, we've shown the Project 22350 [*Gorshkov*-class] frigates on more than one occasion. As for the lead ship of the project mentioned by the Commander-in-Chief—the *Admiral of the Fleet of the Soviet Union Gorshkov*—our film crew participated in its transatlantic crossing. For those who don't know, these frigates are the largest ships built and designed in modern Russia. Their displacement is about 5,000 metric tons. Now, the Navy's High Command plans to build even larger ships.

Moiseyev: We're proceeding on the assumption that in the upcoming program, we will indeed be building ships with a significantly larger displacement. This ship's displacement is around 9,500 metric tons. And most importantly, it includes the built-in capabilities for extended autonomy at sea—that is, for a blue water ship, operating in open ocean zones. Russia needs ships like this. This is laid out in our strategies and in the draft of the future shipbuilding program.

Egorov: Just don't confuse this ship with the cruiser *Admiral Nakhimov*. We'll talk about that one a little later. We'll also ask about the aircraft carrier. For now, let's move on to the topic of unmanned aerial vehicles. Viewers of the TV Zvezda channel know very well that unmanned systems units have been formed within the armed forces. I'm curious—what's happening in this area within the Navy?

Moiseyev: Well, as you know, a separate branch of unmanned systems has been established. It's developing very rapidly. It covers all types of systems. In the air, on land, and—for us—at sea. We're developing them. We have unmanned boats. We've formed regiments of unmanned systems; they already exist. In other words, these aren't just plans—they're an objective reality nowadays. Specifically, regiments of unmanned systems within the structure of the fleets. On July 1, we formed a regiment—including one in the Northern Fleet—and equipped it with all necessary armaments. At this stage, we envision a divisional structure. Two of these divisions are surface-based, and the third is specifically the submarine component. And next year, we'll complete this initiative in the Pacific Fleet.

Egorov: But that's not all. The Commander-in-Chief adds another layer to our conversation with news that we found sensational. So, pay attention. Russia is developing an unmanned surface vehicle (USV)⁵ of such a size that it will no longer be an unmanned boat, but an unmanned ship.

Moiseyev: We're building a ship designed to perform specific tasks related to searching for submarines and underwater objects, but this is already a 500-metric-ton ship. That's quite substantial—

Egorov: Is that a 500-metric-ton displacement ship?

Moiseyev: 500 metric tons. Well, yes, if we're talking about it, it's a small-class ship.

⁵ Speakers often refer to unmanned surface vessels by their Russian acronym, BEK, for *bezekipazhnyy kater* or *bezekipazhnyy korabel*.

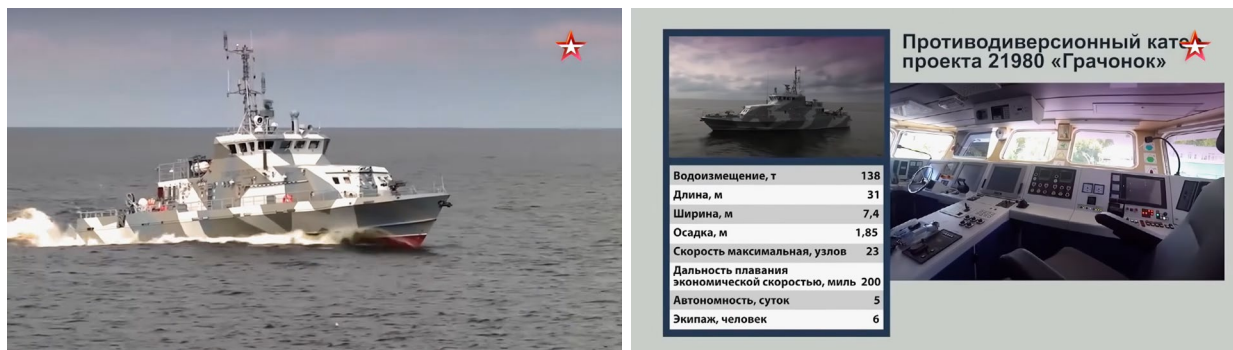
Egorov: But it's, let's say, the *Grachonok* [anti-saboteur and large guard boats, e.g. patrol boats]—

Moiseyev: Well, the *Grachonok*... It's a five-meter—

Egorov: —That's three times bigger—

Moiseyev: In other words, it's an unmanned ship. It's included in the current State Armaments Program⁶—not the future one, but the current one. It's under construction; it will be the first vessel of its kind, and it will serve as the foundation for the further development of these unmanned systems.

⁶ Speakers often refer to the State Armaments Program by its Russian acronym, GPV, which stands for *Gosudarstvennaya Programma Vooruzheniya*.

Egorov: To clarify, the State Armaments Program is the government armaments program, and we didn't choose the *Grachonok*-class anti-sabotage boat by accident. It's a useful comparison. It's 31 meters long, with a displacement of about 140 metric tons. And you understand that the new unmanned ship will be more than three times larger. That's a lot for an unmanned vessel. A few blitz questions, if you can answer as briefly as possible. What are the most effective air defense systems on board modern ships?

Moiseyev: I'd probably say this: *Poliment-Redut*, *Redut*, and *Pantsir*.

Egorov: When will the cruiser *Admiral Nakhimov* enter service?

Moiseyev: Oh, let's not get ahead of ourselves. I think we'll carry out this year's plans. This year.

Egorov: So, it's already at maximum readiness.

Moiseyev: It's currently undergoing trials.

Egorov: Will Russia invest in aircraft carriers?

Moiseyev: Time will tell. Time will tell. Again, within the framework of the strategies we've been discussing, but we're talking about the 2040s.

Egorov: The *Akula* [Typhoon-class SSBN] submarine—there's talk that it might become a museum. Will it?

Moiseyev: I hope it will. Yes.

Egorov: Would you personally like that?

Moiseyev: Well, of course. It's part of our country's history—a very important period. An important period.

Egorov: Project 941 *Akula*-class submarine cruisers. These ships are unique. Giants unlike any others in the world. 172.5 meters long, 23 meters wide, and 26 meters high—as tall as a nine-story building. But that's not all. The *Akula* isn't just a submarine—it's a multi-hulled submarine catamaran. We once had six such vessels; now only one remains, the *Dmitry Donskoy*. I'd very much like to see this beauty follow in the footsteps of the first nuclear-powered submarine, the *K-3*,⁷ and become a museum.

However, let's get back to pressing issues. We're continuing our conversation with the Commander-in-Chief of the Navy on the topic of special operations and unmanned surface vessels. Now we're interested in the enemy's unmanned surface vessels. How are we dealing with them?

Moiseyev: We've learned to detect them, track them systematically, and destroy them systematically as well. Well, if we look at the quantitative indicators from, say, 2023 or the first half of 2024, the situation has improved significantly. As for the enemy, there's only currently a single incident. I don't mean to say it isn't a threat—it's undoubtedly a threat—but the enemy has now shifted its focus from military targets to civilian ones.

Egorov: So the enemy is now using USVs mostly against vessels, not military ships, but against civilian vessels.

Moiseyev: Throughout 2025 and 2026, it's been exclusively against civilian shipping vessels. I'd also like to point out that there are practically no ships flying the Russian flag among them. These are all vessels from third countries, so this is, in essence, international terrorism. There's no other way to describe it.

⁷ The Soviet Union's first nuclear-powered submarine, K-3 *Leninsky Komsomolets*, commissioned in 1958.

Egorov: These acts of international terrorism against civilian vessels have been particularly noticeable recently in the Black Sea.

Moiseyev: Of course, the Black Sea Fleet is a combat, battle fleet for us. In essence, all these years and for a long time now, it has been conducting systematic combat operations, both as missions specific to the fleet in the maritime environment, and objectives of the combined task force. We understand that the fleet's main component consists of surface ships and submarines, and its strike capabilities are fully utilized to destroy targets on our adversary's territory.

Egorov: So the submarine fleet is also actively participating in these operations.

Moiseyev: Undoubtedly. Of course.

Egorov: Can you give some examples?

Moiseyev: Well, if we're talking about specific ships, these are *Project 636* [Improved Kilo] submarines—three of the project—that are part of the Black Sea Fleet. Just like the Black Sea Fleet's frigates, other ships equipped with these weapons are actively engaged in striking the enemy.

Egorov: Speaking of the Special Military Operation and the Navy, we can't fail to mention the Naval Infantry. Last year, the Black Berets celebrated their 320th anniversary. Just as they were during the Great Patriotic War, they remain the enemy's "black death" today. How do you see Naval Infantry developing in the near future?

Moiseyev: We're transitioning to a divisional structure, and all our fleets—across all of them—

Egorov: There will be divisions—?

Moiseyev: —There will be divisions. Well, in some cases, even several divisions. The 120th Division in the Baltic Fleet—it's already been formed, and its development is continuing. The same applies to the 55th Division of the Pacific Fleet. And it is precisely this division that now includes our famous 155th...

Egorov: The 155th Naval Infantry Brigade (Marines)—

Moiseyev: A Naval Infantry Brigade. The command's rank has been elevated—it used to be a Colonel, but now the standard position is that of a Major General. When we talk about the transition to a divisional structure, not only has the structure itself changed, but the troop strength has also increased dramatically, by several times.

Egorov: Azovstal, Mariupol, Vuhledar, the markets, operations at the Zaporizhia Nuclear Power Plant, the Kursk Region, the Sumy sector—there's hardly anywhere fate hasn't sent our naval infantry. Like the airborne troops, they were the first to be sent—and continue to be sent—to the hottest spots. It's no coincidence that all Naval Infantry brigades—and I'm emphasizing this word—have been granted Guards status over the past three years.

Moiseyev: What I really wanted to say, though, is that the Naval Infantry isn't just an elite force—it's a force of the Navy. This means they fight under the St. Andrew's flag. There were events in 2022 when, during marches or the movement of Naval Infantry units—even under the most difficult conditions—they marched with the Naval Infantry flag. They were advised to take down the flag so as not to draw attention to themselves.

Egorov: Some might call it madness, but it's part of the Naval Infantry' tradition. To fear no enemy and face them head-on. Created, just like the force itself, by Peter's decree. These troops have served Russia faithfully for centuries. Proof of this can be found in the years of the Great Patriotic War, when 600,000 marines fought on land, defending Leningrad, Odessa, Sevastopol, Kerch, and Novorossiysk.

Moiseyev: When we talk about the Great Patriotic War, I'd like to note that the very first day marked a milestone for our armed forces. The fleet's readiness was at its highest. Everyone knows the facts: on the nineteenth, a brief order was issued—that is—

Egorov: June 19, 1941?

Moiseyev: On the 19th, well, and later, uh, on the 22nd, a brief order was issued: "Place the fleets on readiness level one." This was strictly carried out by all the fleets, and on the first day of the war, the fleet did not lose a single ship or a single aircraft.

Moreover, the first Nazi German aircraft shot down was downed by sailors during the attack on Sevastopol. Everyone knows who was the first to bomb Berlin. Well, it was naval aviators. That's a well-known fact. And it wasn't just a one-time operation. It went on for a long time.

Egorov: Here's what's important. The Navy is more than just ships and submarines. It includes helicopters and planes of naval aviation. It includes coastal troops with their missile systems. It includes the lighthouse service, which is part of the hydrographic service. And, by the way, it is the Navy that represents the Russian Federation in international organizations related to hydrography and navigation. Furthermore, in fact, the first institution of higher education in our country was the Naval School, from which several naval universities emerged, in particular, the Frunze Naval Academy. In 1998, it was renamed the St. Petersburg Naval Institute. And here's another announcement from the Commander-in-Chief: in the year marking the 330th anniversary of the Navy, the institute will regain its historic name.

Moiseyev: All decisions have been made and approved at every level. A government decree has already been issued. The new academic year will begin for future students precisely at the Frunze Naval Academy. So, with all those—

Egorov: Will things go back to the way they were?

Moiseyev: Yes, that is our goal. This is supported by the leadership of the armed forces and the Chief of the General Staff.

Egorov: "Military Acceptance" has already featured many naval institutions on the Zvezda TV channel. Our program plans to visit the Ushakov Baltic Naval Academy and the Makarov Pacific Naval Academy. But in addition to these higher education institutions, the Navy also includes a school that provides secondary education—the famous Nakhimov Schools. As you can see, there are many Navy educational institutions, but the Commander-in-Chief singles out one: the one opened during the Special Military Operation in liberated Mariupol.

Moiseyev: Our pride and joy. Here are the Nakhimov Schools—well, within the structure, you see—

Egorov: Kids from fourth and fifth grade.

Moiseyev: Starting after fourth grade, essentially from fifth grade onward, it's a secondary school program with a career orientation focus.

Egorov: What else should we remember in the year of the fleet's 330th anniversary? The names of the great naval commanders Ushakov and Nakhimov. These are the surnames of our great ancestors who brought glory to Russia. And they were educated at naval academies: the composer Rimsky Korsakov; the compiler/author of the Russian dictionary, [Vladimir] Dal'; Yuri Gagarin, the Earth's first cosmonaut, who began his service in the Navy as a naval aviation pilot. This is exactly what we've been discussing throughout this entire episode. For Russia, the Navy is more than we realize. That is how it has been, and that is how it will remain.

To wrap up our conversation, I'd like to note that we spoke on Sunday because the Commander-in-Chief's schedule is such that, in my opinion, it's simply impossible to find another time slot?

Moiseyev: Well, I think all leaders are in the same boat right now. It's not even just about Sunday. I would still like to send a message to those soldiers, our warriors, who are in the combat zone without days off and for quite a long time. They're the ones deciding the most important matters right now, and we must do everything to support them—not just so they succeed, but so they can complete all objectives given them as quickly as possible.

Egorov: And yet, no matter how difficult their service may be, there's always time for a holiday like Navy Day. We congratulate everyone who has served in the Navy and everyone currently serving. Everyone whose professional life is connected to the Navy—and especially those who can't imagine their lives without it.

<https://www.youtube.com/watch?v=CudjXkOfBGQ>

Военная приёмка. «330 лет ВМФ. Разговор с Главкомом».2026!

В новом выпуске – первое большое интервью Главнокомандующего Военно-морским флотом адмирала флота Александра Моисеева с момента вступления в должность в 2024 году. Главная тема выпуска – будущее российского флота. Речь пойдёт о подводных лодках пятого поколения, первом российском безэкипажном корабле водоизмещением 500 тонн и возвращении в строй крейсера-гиганта «Адмирал Нахимов». Мы узнаем, какими будут перспективные корабли океанской зоны, как меняется роль беспилотных систем на море, почему безэкипажные катера превращаются в полноценные корабли и какие задачи они будут выполнять. Кроме того, поговорим о перевооружении морской пехоты, развитии военно-морского образования и о том, почему флот сегодня – это гораздо больше, чем корабли и подводные лодки. Всё это – в специальном выпуске, посвящённом 330-летию Военно-морского флота России.

Егоров: В эфире телеканал Звезда. Военная приёмка. Наш сегодняшний фильм выходит в эфир в день военно-морского флота в год 330-летия военного морского флота. И внимание, сегодня вас ждёт разговор, нас ждёт разговор с главкомом ВМФ.

Моисеев: Здравствуйте, я вас приветствую. Телеканал Звезда, телепередача Военная приёмка.

Рад встрече в административном здании главного командования военно-морского флота.

Егоров: Для главнокомандующего военно-морским флотом и адмирала флота Александра Моисеева это первый такой большой разговор с журналистами с момента вступления в должность в 2024 году. Мы благодарны главкому за этот разговор и за то, что он получился откровенным настолько, насколько позволяет время. Итак, сегодня вы узнаете, какие задачи решает флот в период СВО.

...Что на первом месте для ВМФ...

Как он справляется с атаками БЕКов на Чёрном море.

Моисеев: Мы научились выявлять, системно их отслеживать.

Егоров: Какими будут подводные лодки пятого поколения?

Моисеев: Несомненно, они будут атомные.

Егоров: И что делается по линии беспилотников на флоте?

Моисеев: Полки беспилотных систем, они уже существуют.

Егоров: Конечно, мы не оставим без внимания и гиперзвуковой Циркон, и необитаемый подводный аппарат с ядерной энергетической установкой Посейдон. И впервые в нашей программе заявление о создании самого большого в истории страны морского беспилотника.

Моисеев: Корабль - это достаточно серьезное.

Егоров: Итак, специально ко дню ВМФ спецвыпуск военной приёмки прямо из главного штаба ВМФ из Адмиралтейства. Поехали.

Егоров: Центр Санкт-Петербурга, Дворцовая площадь, Эрмитаж, место, где бывают, наверное, все туристы, отправляющиеся в северную столицу. Для главкомов ВМФ и Эрмитаж, и эта историческая площадь, на которой бывали все руководители нашей страны, вид из окна его рабочего кабинета.

Моисеев: Именно так. Здесь зарождался флот. Здесь вообще строился город наш славный героический Санкт-Петербург.

Егоров: И здесь же ваш рабочий кабинет.

Моисеев: Можете... здесь же наш рабочий кабинет. Приглашаю вас.

Егоров: Прямо так и написано. Главнокомандующий военно-морском флотом.

Моисеев: Да, мне вот такая честь удостоена судьбою. Приглашаю. Проходите.

Егоров: Сколько лет этим стенам?

Моисеев: 1811 год. Дата официально постройки Адмиралтейства. Здесь исторически всегда размещалось ведомство как военно-морское министерство всего исторического периода военно-морского флота России до вот включительно периода царской России.

Егоров: При советской власти главкомат переехал в Москву. Лишь в 2011 состоялось возвращение в родное Адмиралтейство, можно сказать, на родину.

Моисеев: Ну, конкретно это место, это моё рабочее место, кабинет главнокомандующего военно-морским флотом России.

Егоров: На рабочем месте телефоны, правительственные связи, мониторы. Их мы показывать не будем. Рассмотрим картину, которая висит у рабочего стола Главкома. Это Айвазовский “Выборгский бой.” Сразу обращает на себя внимание дата, знаковая для нашей страны, 22 июня, правда, год 1790. И главное, читаем: “Шведы потеряли семь линейных кораблей, три фрегата, более пятидесяти гребных судов. Русские потерь не имели.” Согласитесь, картина задаёт правильный настрой хозяину кабинета, и она не одна здесь такая.

Моисеев: Ну и отдельно, конечно, портрет Петру Великому, [вздыхает] который своим достаточно таким серьёзным взором всегда наблюдает за моей деятельностью, за деятельностью моих предшественников.

Егоров: Строго говоря, Пётр I наблюдает за главкомом не один, а вместе с верховным главнокомандующим и министром обороны.

Моисеев: Приглашаю пройти дальше. Да, вот хотел бы сделать акцент. Несомненно, это тоже кабинет главнокомандующего военно-морским флотом. Исторический кабинет. Именно здесь размещался крайний военно-морской министр адмирал Григорович.

Егоров: Иван Григорович фигура знаковая в истории ВМФ. Последний морской министр Российской империи. Но главное другое. При нём были построены самые современные на тот момент линкоры, крейсера, эсминцы. Именно при Григоровиче были заложены наши первые подводные лодки. Более того, подводный флот окончательно стал одним из ключевых элементов морской мощи Российской империи. Имя Григоровича сейчас носит фрегат проекта 11356, корабль с борта которого в 2016 году был осуществлён один из первых морских пусков крылатых ракет Калибр.

Моисеев: Ну, ещё один момент исторический. Именно здесь, вот в центре, здесь Адмиралтейский проспект, дом один. А за нашим окном это и есть та Дворцовая площадь ныне города Санкт-Петербурга. Здесь размещалось всё руководство государства.

Егоров: Государства. Эрмитаж.

Моисеев: Эрмитаж... Где...здесь была резиденция первого лица нашего царя. Если посмотреть на архитектуру этих зданий, везде находятся балконы. Говорят, ежедневно утром царь выходил вот на этот балкон. Все руководители ведомств выходили на свои

балконы. Городничий делал доклад о событиях, произошедших за ночь. Царь благословил, и начинался рабочий день. Предлагаю начать работать.

Егоров: Небольшая ремарка. Такое же пристальное отношение государства к флоту и в наше время. На столе главкома фото с верховным. И второе, это было особенно заметно в этом году в дни работы Военно-морского Салона, когда главнокомандующим военно-морским флотом обходил стенды судостроительных компаний вместе с Николаем Патрушевым. Сам факт того, что в прошлом директор ФСБ, а ныне секретарь Совета безопасности возглавляет морскую коллегию, говорит об особом внимании государства к флоту. Как вы сформулируете главная задача военно-морского флота вот на сегодняшний день, лето 2026 года, что на первом месте для ВМФ?

Моисеев: Ну, несомненно, главное, что сейчас происходит для нашей страны, нашего общества, конечно, это главное событие, которое проходит на юге нашей страны. Речь идёт, конечно, несомненной специальной военной операции. Военно-морской флот как военная организация принимает и непосредственное участие в данных мероприятиях. Речь идёт о безопасности морского судоходства, обеспечении морской экономической деятельности в морских зонах, не только прилегающих к акватории Чёрного моря, ну, а практически и других морей. Несмотря на это, флот продолжает решать весь спектр задач, не только вопросов обеспечения военной безопасности, что, несомненно является её одной из главных составляющей, ну и другой, не менее важной, которая связана с защитой национальных интересов России в других районах или важных районах Мирового океана. Речь идёт об Атлантике и Тихом океане, Средиземном море, несомненно, Арктике. Мы решали эти задачи, решаем, будем решать. Эти задачи соответствуют статусу нашего государства. Великой России, великой морской России державы, кем мы были, есть, несомненно, будем.

Егоров: Перед вами карта мира о существовании, которое мало кто знает. Это деление Мирового океана между разными флотами США. Скажем, за Персидский залив, где сейчас горячо отвечает пятый флот, у нашей страны тоже есть похожий взгляд на Мировой океан. И это не случайно. Со времён Петра Великого, Россия - великая морская держава, и доказательства тому не только морские сражения. Достаточно сказать, что два столетия назад российские военные моряки открыли целый континент Антарктиду. Но что же в наше время? Россия возвращается в Мировой океан после паузы периода сложных девяностых. Только за последние 10 лет военно-морским флотом были проведены и со времён СССР кругосветка, трансокеанские походы с участием подводных лодок, учебных кораблей, экспедиции в ту же Антарктиду. Одно из самых ярких событий учения “Умка-2021.” Когда впервые в истории военно-морского флота было выполнено одновременное всплытие трёх атомных ракетноносцев с проломом полутораметрового льда в районе радиусом всего 300 м.

Моисеев: Я хотел бы всё-таки сделать акцент. Флот находится там, где надо государству. Вот когда речь идёт о стратегических важных районах Мирового океана или регионах мира, флот не просто он является инструментом внешней политики. То есть присутствие в этих районах, ну, объективно силы государства - это очень важный фактор для вот реализации внешней политики государства.

Егоров: Понимая высокую роль флота, в 2025 году президент России утвердил стратегию развития военно-морского флота до 2050 года. Первый в современной России документ такого уровня.

Моисеев: Несомненно, это основополагающий документ в рамках стратегического планирования и развития военно-морского флота. Он учитывает на текущее состояние как нас, так и наших оппонентов. Перспективы, тенденции развития военно-политической обстановки, развития стратегических обстановок на разных театрах действий, в том числе океанских районах. Он учитывает тенденции в развитии и науки, и технологий. И этот документ необходим, необходим для того, чтобы жить не просто ближайшим, а уже осязаемым будущим. Вооружение, оружие военно-морского флота является достаточно сложными техническими системами, которые заложить в рамках краткосрочного гособоронзаказа, а зачастую даже программа ГПВ, примерно среднесрочного или ближайшего десятилетия не даёт полного понимания, представления, кем будет флот вот в той обозримой перспективой, о которых мы сейчас говорим. Конечно, это очень важно.

Егоров: И получается проще двигаться вперёд, когда и промышленность, и флот понимают--

Моисеев: да--

Егоров: --какие у нас задачи впереди.

Моисеев: Именно так. Он важен как для нас, военно-морского флота, так и развитие судостроительной отрасли вообще.

Егоров: Что касается отрасли, с недавних пор в России у судостроителей появились две профильные выставки. “Нева” - выставка гражданского судостроения и Военно-морской Салон, организуемый военно-морским флотом. В этом юбилейном году салон открывал главком Александр Моисеев, с которым мы записываем интервью на его рабочем месте. Кроме картин нам дали возможность изучить макеты, которые находятся в кабинете главкома. Это две подводные лодки. Скажем так, увидеть их для меня было предсказуемо. Отрадно видеть здесь авианесущий крейсер *Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов*, морской *Панцирь*, истребитель морской авиации. Дальше безэкипажный катер *Улан*.

Давайте покажем его. И вот здесь на столе один самолёт, два беспилотника, три вертолёт. И скажу прямо, до начала съёмок здесь была ещё одна модель. Модель вертолёт, которую показывать пока ещё нельзя. Что касается фотографий в кабинете, стоит обратить внимание на эту. Здесь Александр Моисеев, командир подводной лодки. Именно поэтому, обсуждая с главкомом перспективы развития российского ВМФ, хочется отдельно коснуться темы подводного флота России, следуя... на выставках подводной лодки, которые делаются для боевых пловцов, когда из одной большой выходит маленькая, и пока всё это макеты. В жизни такая лодка появится.

Моисеев: Это специальная деятельность отдельных подразделений. Ну, если мы говорим о действиях специальных сил назначения, они применяются даже в рамках существующих подводных лодок. Акцент бы хотел сделать это специальная задача.

Егоров: В рамках существующих подводных лодок выхода боевых пловцов проводятся через торпедные аппараты. Как это происходит, мы показывали в одном из фильмов. Более того, у меня самого была возможность пройти через торпедник со специальным аппаратом, который не оставляет пузырей. Но на выставках мы видели куда более интересные вещи.

Помните фильм “Особенности национальной охоты”? Подводную лодку проекта *Пирания*, которая на самом деле разрабатывалась для доставки боевых пловцов. И вот тут небольшая сенсация. Всё внимание сюда. Перед вами продолжение проекта *Пирания*, в носовой части которого....

Алексей Дериземля, инженер-конструкторского бюро ОСК “Малахит”: ...Расположена сверхмалая подводная лодка *Тритон2*, транспортируем внутри лодки большего водоизмещения.

Егоров: И перед нами как раз проект вот этой сверх малой подводной лодки. Давайте покажем её зрителю. Сколько сейчас лиц может находиться внутри?

Дериземля: Данная лодка имеет возможность доставки до шести боевых пловцов.

Егоров: Двое, скажем образно, за рулём?

Дериземля: Два оператора...четыре человека десантника.

видео клип: Подводная лодка обеспечивает скрытную доставку в указанные районы и возвращение штурмовых и диверсионно-разведывательных групп.

Егоров: На этой презентации видно, как из чрева большой лодки выходит маленькая и незаметно выдвигается к берегу. Называется проект *Сервал*. И хотя прямо такой лодки у нас пока нет, но есть очень похожие, созданные, правда, для решения других задач.

Моисеев: Мы все знаем это публично, является ли таким аппаратом, к примеру, аппарат *Посейдон*. Такой вопрос вам задам. Как вы ответите на это?

Егоров: Ну, думаю, является

Моисеев: Является. Ну, у нас уже есть такой носитель. Все мы прекрасно знаем, что эта программа связанная вот с развитием вот такого стратегического оружия, кем является этот аппарат. И, конечно же, уже в составе военно-морского флота такой носитель есть. Об этом публично говорил руководитель нашей страны.

Егоров: *Посейдон* - необитаемый подводный аппарат с ядерной энергетической установкой. Известно, что он способен преодолевать меж океанские расстояния, развивая скорость до 200 км/ч и действовать на глубине свыше километра. При этом надо помнить, что *Посейдон* - один из самых секретных проектов флота. Все подробности о нём мы узнаём исключительно из уст президента.

[Clip of Putin]: Нам впервые удалось не только стартовым двигателем запустить его с подводной лодки носителя, но и запустить атомную энергетическую установку, на которой, на которой этот аппарат прошёл определённое количество времени. Мощность *Посейдона* значительно превышает мощность даже самой нашей перспективной ракеты межконтинентальной дальности *Сармат*.

Егоров: И всё-таки пока *Посейдон* - это экзотика. При решении вопросов стратегического ядерного сдерживания основная задача главного командования ВМФ поддержание боевой готовности подводных сил флота и, в первую очередь, атомных подводных ракетных крейсеров стратегического назначения.

Моисеев: Здесь мы по сути уже реализуем все программы перехода на нового поколения подводной лодки *Борей*. *Борей* с баллистической ракетой морского базирования *Булава*. Они будут служить нашему государству, ну, ближайшие 30-40 лет. Значит, придя на смену предыдущего поколения 667 БДРМ проект.

Егоров: БДРМ - это проект стратегических подводных лодок, которые начали создаваться ещё в шестидесятые годы прошлого века. Сначала это были корабли второго поколения проекта 667А *Навага*, потом 667В *Морена*, дальше БДР *Мурена М*, БДР *Кальмар*. И, наконец, самый совершенный в линейке 667 - это БДРМ *Дельфин*, лодка третьего

поколения. В год 330-летия военно-морского флота хочется напомнить о рекорде, который поставил один из *Дельфинов*, атомный подводный крейсер *Новомосковск*, выпустив в августе 1991 года одну за другой 16 баллистических ракет. Для сравнения, рекорд США всего четыре ракеты за один раз. Кстати, именно на *Новомосковске* когда-то служил и Александр Моисеев. И не только на нём, на многих других БДРах и БДРМах.

Моисеев: Ну, коле обратили внимание на это, да, несомненно, значимый период своей службы, да, жизни больше того, я провёл в подплаве военного морского флота России именно на Северном флоте. Ну, ни для кого не секрет, прошёл практически все должности от первичной инженерной вычислительной группы до командования подводными силами Северного флота.

Егоров: Итак, мы поняли, что основу сил ядерного сдерживания под водой будут составлять корабли проекта 955 *Борей*, а точнее 955 *А*, *Борей А*, *АМ*, которые идут на смену 667. И вот тут возникает следующий вопрос: а что же с многоцелевыми лодками? Сейчас в строю корабли проекта 971 *Щука Б*, титановые проектов 945 *Барракуда* и 945А *Кондор*, убийцы авианосцев *Антей* проекта 949. Так вот, теперь им всем на смену приходят корабли 885 проекта *Ясень-М*. Идея в том, что многоцелевые лодки должны быть многофункциональными.

Моисеев: Они стали многофункциональными, способными решать практически весь спектр задач, которые раньше решали отдельные проекты кораблей. Ранее под отдельный комплекс создавался носитель. Неважно, кто это был, подводная лодка или корабль. Сейчас технологии позволяют это сделать на одном носителе. Подводная лодка *Ясень* является той многоцелевой лодкой, которая является основой подплава, сил общего назначения. При этом его вооружение — это все имеемые на текущий момент морское ракетное оружие.

Егоров: Первым новым многоцелевиком был *Северодвинск*. Корабль закладывался в девяностые годы, строился в нулевые. В строй вошёл только в десятые, это очень долго, но тем не менее он стал символом эпохи возрождения российского подводного флота после тяжёлых девяностых. Теперь такие лодки строятся куда быстрее. И главное, они уже обновляются. Современный *Ясень* идёт с литерой *М*, модернизированный.

Моисеев: В планах развития мы видим, что именно этот корабль станет основой. Не станет, он уже есть таковой. Он заменит все предыдущие подводные лодки предыдущих проектов. Ну и его возможности кратно превышают отдельно взятую лодку предыдущего проекта по всем характеристикам.

Егоров: Ракеты *Циркон* будет на борту?

Моисеев: *Циркон*. Они уже на борту. Лодка, обращаю внимание, служит порядка 30 лет.

Егоров: Большая программа развития ждёт и неатомный подводный флот. Сейчас основной проект в этой части 636. Корабли этого проекта за тишину и незаметность называют “чёрной дырой.” Но оказывается, можно сделать лодки ещё тише и незаметнее. Так, год назад на воду был спущен корабль следующего проекта дизель-электрических лодок *Кронштадт*, построенный по проекту 677 *Лада*.

Моисеев: В конструктиве этого корабля, ну, заложены уже новые технологии, поэтому всё вооружение, касающееся средств навигации, связи, комплексов управления, неважно, оружия самого корабля или системами, это уже совершенно иная элементная база. с точки зрения функционала своих возможностей, он намного превышает возможности вот предыдущего поколения. Относится к классу дизель электрических подводных лодок, но мы живём всё равно в будущем. Речь идёт о, по сути, новой создании новой энергетической установки.

Егоров: Степень навесны *Лады* 70%. Она меньше на треть. У неё внутри новый гибридный двигатель, новые гидроакустические комплексы. Всё это превращает её в лодку четвёртого поколения. Впрочем, главком уточняет, уже идёт работа над кораблями пятого поколения. В новой стратегии им уделяется особое внимание.

Моисеев: Мы живём уже развитием создания подводной лодки пятого поколения. Утверждена многоцелевая программа развития лодки пятого поколения. Речь идёт как о стратегических подводных лодках, так и многоцелевых подводных лодках.

Егоров: И уже у вас есть понимание, как эти лодки будут выглядеть?

Моисеев: С точки зрения конструктива всё предельно ясно. С точки зрения оружия тоже очень принципиально важно и связано с энергетикой этого корабля. Ну, это очень атомные они будут, несомненно, они будут атомные. Они именно обеспечивают то главное состояние, это длительное нахождение под водой. Значит, не просто длительно, а практически на всю автономность. Речь же идёт об эффективности этих энергетических установок, речь идёт о шумности, значит, самих подводных лодок. И, конечно же...

Егоров: Будут более тихими.

Моисеев: Можно сказать. Конструктив на других принципах будет заложен, и мы же понимаем, на каких. И эти исследования сейчас проходят.

Егоров: Что касается кораблей надводных, то упомянутой главкомом стратегии та же тенденция, что и в случае с подводными лодками. Возможности этих кораблей заметно расширяются.

Моисеев: Современные корабли - это многоцелевые корабли. Они способны решать весь спектр задач. И ударные, и оборонительные, и решение противолодочных задач. Всё это решается на одной площадке.

Егоров: То есть сейчас тенденция к тому, что корабли должны быть максимально универсальными.

Моисеев: Они уже такие. Это заложено в основу строительства надводных кораблей военно-морского флота. Кораблями дальней морской зоны - это фрегаты, типа *Горшков*. Корабль ближней морской зоны - это корвет с точки зрения применения вообще морских пространств и других водных районов. Да, это малые ракетные корабли.

Егоров: Военная приёмка делала фильмы про малые ракетные корабли проекта *Каракурт*. Очень быстрые и хорошо вооружённые. Мы рассказывали про корветы проектов 20380 и 20385. Они становятся рабочими лошадками флота в прибрежной зоне. И, конечно, не раз мы показывали фрегаты проекта 22350. А на упомянутом главкомом головном корабле проекта *Адмирал Флота Советского Союза Горшков* наша съёмочная группа участвовала в переходе через Атлантику. Кто не знает, эти фрегаты являются самыми большими кораблями, построенными и спроектированными в современной России. Их водоизмещение около 5.000 тонн. Так вот, в планах главного командования ВМФ строительство кораблей ещё более крупных.

Моисеев: Мы исходим из того, что в ближайшей программе мы всё-таки будем строить корабли более серьёзного водоизмещения. Водоизмещение этого корабля порядка 9500. Ну и главное, в том числе заложенные возможности длительного нахождения в море автономности, ну, кораблём такой океанской зоны. Такие корабли России нужны. Это заложено и в стратегиях, и вот в проекте будущей программы кораблестроения.

Егоров: Только не надо путать этот корабль с крейсером *Адмирал Нахимов*. Про него мы поговорим чуть позже. Спросим и про авианосец. Сейчас же переходим к теме беспилотников. Зрители телеканала Звезда прекрасно знают, что в вооружённых силах сформированы войска беспилотных систем. Интересно, а что в этой части происходит на флоте?

Моисеев: Ну, вы знаете, что создан отдельный род войск беспилотных систем. Это вот очень быстро развивается. Она касается всех средств. И в воздушной, и в среде наземной,

и для нас морской. Мы их развиваем. Безэкипажные катера у нас есть. У нас сформированы полки беспилотных систем, они уже существуют. То есть это не просто какие-то планы, это объективная реальность сегодняшнего дня. Именно полки беспилотных систем в структуре флотов. 1 июля мы сформировали полк, в том числе на Северном флоте, обеспечили его всем вооружением. На текущий этап мы структуру видим такого дивизионного состава. Из них два вот надводная и дивизион третий - это именно подводная составляющая. И на следующий год мы закроем эту тему на Тихоокеанском флоте.

Егоров: Но и это ещё не всё. Главком добавляет градус нашей беседе ещё одной новостью, которую мы восприняли как сенсацию. Итак, внимание. В России создаётся БЭК такого размера, что это будет уже не безэкипажный катер, а безэкипажный корабль.

Моисеев: Мы создаём корабль, который решает отдельные задачи поиска подводных лодок, объектов подводных, но это уже 500 тонн корабль. Это достаточно серьёзно--

Егоров: Это корабль размещение 500 тонн?

Моисеев: 500 тонн. Ну да, если будем говорить, это класса малого корабля.

Егоров: Но он, допустим, *Грачонок*--

Моисеев: Ну *Грачонок*.. Это такой пятиметровый--

Егоров: --Это там в три раза больше--

Моисеев: То есть это корабль, он без экипажа. Это заложено в программе текущей ГПВ, не будущей, а текущей. Он строится, будет первый такой корабль, он станет основой дальнейшего развития вот этих безэкипажных систем.

Егоров: Поясним, ГПВ - это государственная программа вооружений, а противодиверсионный катер проекта *Грачонок* мы выбрали не случайно. Это удобное сравнение. Длина его 31 м, водоизмещение около 140 тон. И вы понимаете, что новый безэкипажный корабль будет в три с лишним раза больше. Для беспилотника это очень много. Несколько вопросов прямо блиц, если можно предельно коротко отвечать. Самые эффективные средства ПВО на борту современных кораблей какие?

Моисеев: Наверное, скажу так. *Полимент Редут, Редут, Панцирь*.

Егоров: Крейсер *Адмирал Нахимов*, когда встанет в строй?

Моисеев: Ох, не будем загадывать. Я думаю, реализуем планы этого года. В этом году.

Егоров: То есть степень готовности его уже максима.

Моисеев: Он на испытаниях находится.

Егоров: Россия будет вкладываться в авианосцы?

Моисеев: Время покажет. время покажет. В рамках вот опять-таки стратегии, о которых мы говорили, и речь идёт о сороковых годах.

Егоров: Подводная лодка *Акула*, говорят о том, что она может стать музеем? Станет?

Моисеев: Я надеюсь, что станет. Да.

Егоров: Вам лично хотелось бы этого?

Моисеев: Ну, конечно. Это история нашего государства. Очень такого важного периода. Важного периода.

Егоров: Подводные крейсеры проекта *941 Акула*. Корабли уникальные. Гиганты, каких не было ни у кого в мире. 172.5 м в длину, 23 в ширину, высота 26 м с девятиэтажный дом. Но и это ещё не всё. *Акула* не просто лодка, а подводный катамаран с несколькими корпусами. Когда-то у нас было шесть таких кораблей, сейчас остался один, *Дмитрий Донской*. Очень хочется, чтобы такой красавец повторил судьбу первой атомной подводной лодки *К3* и стал музеем.

Впрочем, вернёмся к насущным проблемам. Мы продолжаем разговор с главнокомандующим военно-морским флотом по теме СВО и БЭКов. Теперь нас интересуют безэкипажные катера противника. Как мы с ними справляемся?

Моисеев: Мы научились выявлять, системно их отслеживать и также системно их уничтожать. Ну, если количественные показатели взять вот с, допустим, двадцать третьего, первой половины двадцать четвёртого года, тоже в порядке отличие. Вот и противник на текущий момент единичный случай. Я не хочу сказать, что не является угрозой, несомненно угрозой, но он сейчас переориентировался с военных на гражданский объект.

Егоров: То есть противник БЭКи применяет уже теперь по большей части по судам, не по военным кораблям, а по гражданским судам.

Моисеев: Весь двадцать пятый-двадцать шестой год только гражданское судоходство. При этом хотел бы отметить, там практически нет судов под российским флагом. Это все суда третьих стран, но это, по сути, международный терроризм. По-другому его не назвать.

Егоров: Особенно заметны эти акты международного терроризма по отношению к гражданским судам в последнее время в акватории Чёрного моря.

Моисеев: Конечно же, Черноморский флот для нас воюющий флот. По сути, все эти годы и длительное время он ведёт систематические боевые действия, как задачи непосредственно флота в морской среде, так и задачи объединённой группировки войск. Мы же понимаем, что основной состав корабельный, речь о надводных кораблях и подводных лодках, его ресурс ударного оружия полностью используется для решения задач поражения объектов, ну, на территории нашего противника.

Егоров: То есть подводный флот, в том числе активное участие принимает операции.

Моисеев: Несомненно. Ну конечно.

Егоров: Можете привести какие-то примеры?

Моисеев: Ну, если будем говорить о конкретных кораблях, это подводные лодки 636, точка, проекта, три проекта, которые входят в состав именно Черноморского флота. Та же самая, что фрегаты Черноморского флота, другие корабли носители этого оружия именно участвуют в огневом поражении противника.

Егоров: Касаясь темы специальной военной операции и военно-морского флота, мы не можем не сказать о морской пехоте. В прошлом году Чёрные берега отметили 320-летие. Как было в годы Великой Отечественной, так и сейчас они остаются чёрной смертью для противника. Каким вы видите развитие морской пехоты в ближайшее время?

Моисеев: Мы переходим на дивизионную основу и всех флотов у нас уже на всех флотах -

Егоров: Будут дивизии--

Моисеев: --Будут дивизии. Ну, на отдельных даже несколько дивизий. 120 дивизия на Балтике, она уже сформирована, дальше идёт её развитие. То же самое касается

55-ой дивизии Тихоокеанского флота. И в его состав как раз и вошла вот знаменитая наша 155-ая...

Егоров: 155-ая бригада морской пехоты--

Моисеев: Бригада морской пехоты. Повышен статус командования до это был полковник, сейчас все штатная должность генеральская генерал-майора. Когда мы говорим о переходе на дивизионную основу, это сама структура поменялась, но и численность кардинально возросла в разы.

Егоров: Азовсталь, Мариуполь, Угледар, рынки, работа на Запорожской АЭС, Курская область, Сумское направление, куда только не забрасывала судьба наших морпехов. Их, как и десантников, первыми отправляли и продолжают отправлять туда, где горячо. Не случайно все бригады морской пехоты, обращая особое внимание на это слово, все последние 3 года получили статус гвардейских.

Моисеев: Я всё-таки главное хотел сказать, что морская пехота - это не просто элитные войска, это войска военно-морского флота. Значит, воюют они под Андреевским флагом. Были события двадцать второго года, когда на маршах или при передвижении подразделений морской пехоты, даже в тех условиях сложнейших, они с флагом морской пехоты шли. Им рекомендовали: снимите флаг, чтобы себя не демонстрировать.

Егоров: Кто-то скажет безумие, но это в традициях морской пехоты. Не бояться противника и идти ему навстречу с открытым забралом. Созданные, как и сам плод велением Петра. Эти войска веками служили России верой и правдой. Доказательством тому годы Великой Отечественной, когда 600,000 морпехов бились на суше, защищая Ленинград, Одессу, Севастополь, Керчь, Новороссийск.

Моисеев: Когда мы говорим о Великой Отечественной войне, я бы хотел отметить, самый первый день это вошло в вехи наших вооружённых сил. Готовность флота была высочайшая. Всем известны факты, что девятнадцатого числа коротким распоряжением, значит--

Егоров: 19 июня сорок первого?

Моисеев: Девятнадцатого, ну, а в дальнейшем, э, двадцать второго числа коротким сообщением: флоты перевести в готовность номер один. Это было чётко реализовано всеми флотами, и флот не потерял в первый день войны ни одного корабля, ни одного самолёта. Более того, первый сбитый самолёт фашистской Германии, он был сбит именно моряками при нанесении удара по Севастополю. Все знают, кто первый бомбил Берлин.

Ну это же морские лётчики. Ну это же всем известный факт. И не просто, это же не разовая акция была. Это длилось в течение длительного времени.

Егоров: Вот что важно. Флот - это больше, чем корабли и подводные лодки. Это вертолёты и самолёты морской авиации. Это береговые войска с их ракетными комплексами. Это маячная служба, которая входит в состав гидрографической. И, кстати, именно военно-морской флот представляет Российскую Федерацию в международных организациях, связанных с гидрографией и навигацией. А ещё, по сути, морским было первое в нашей стране высшее учебное заведение Навигацкая школа, из которой выросло несколько военно-морских вузов, в частности, военно-морское училище имени Фрунзе. В 1998 году его переименовали в Санкт-Петербургский военно-морской институт. И вот ещё одна новость от главкома. В год 330-летия ВМФ вуз вернёт себе историческое название.

Моисеев: Все решения приняты, утверждены на всех уровнях. Вышло уже постановление правительства. Новый учебный год уже начнётся для будущих уже именно в высшем военно-морском училище имени Фрунзе. Со всеми теми, значит--

Егоров: Вернётся то, как было?

Моисеев: Да, мы к этому стремимся. Это поддерживает руководство вооружённых сил, начальник генерального штаба.

Егоров: Про многие военно-морские вузы военная приёмка уже рассказывала в эфире телеканала Звезда. В планах нашей программы поездка в Балтийское училище имени Ушакова, в Тихоокеанское имени Макарова. Но кроме высших учебных заведений в составе флота есть и училище, где даётся среднее образование, знаменитое Нахимовское. Вы поняли, учебных заведений ВМФ много, но главком выделяет одно: открытое в период СВО, в освобождённом Мариуполе.

Моисеев: Гордость наша. Вот Нахимовские училища, ну, в структуре вот--

Егоров: Ребята с четвёртого, с пятого класса.

Моисеев: Они после четвёртого класса, с пятого класса, по сути, это программа средней школы с профориентацией.

Егоров: Что ещё мы должны вспомнить в год 330-летия флота? Это имена великих флотоводцев Ушакова, Нахимова. Это фамилии наших великих предков, которые принесли славу России. А воспитывались в морских вузах: композитор римский Корсаков, составитель словаря русского языка Даль; это первый космонавт планеты Земля Юрий

Гагарин, начинавший службу лётчиком в составе морской авиации ВМФ. Это ровно то, о чём мы говорим на протяжении всего выпуска. Флот для России - это больше, чем мы думаем. Таким он был, таким и будет.

В завершение нашего разговора хочу отметить, что разговор у нас состоялся в воскресенье, потому что рабочий график главкома таков, что другого окошка, по-моему, выбрать вообще невозможно?

Моисеев: Ну, я думаю, сейчас в таком состоянии все руководители находятся. Речь даже не просто там в воскресенье. Я бы послал всё-таки дал тем бойцам, нашим воинам, которые без выходных находятся в зоне боевых действий и достаточно длительное время. Главное решают они сейчас, а мы должны сделать всё, чтобы их обеспечить, и чтобы они не просто имели успех, а в кратчайшие сроки решили все те задачи, которые перед ними стоят.

Егоров: И всё же, какой тяжёлой ни была бы служба, а время для такого праздника, как день ВМФ, найдётся всегда. Мы поздравляем всех, кто служил на флоте, кто сейчас несёт службу. Всех, чья профессиональная деятельность связана с флотом, и особенно тех, кто не видит без него свою жизнь.